

«Мониторинг эффективности и эффективность мониторинга.

Сессия 1: панельная дискуссия Риски, возможности, вызовы»

Модератор Елена Михайлова: Начинаем наше мероприятие. Я вижу большое количество людей в аудитории и понимаю, что тема действительно волнующая, актуальная. Попробуем совместно продвинуться вперед. Как рождалась тема этого мероприятия? Бывая в разных регионах, общаясь с региональными администрациями, с региональными учеными, экспертами, я часто слышу претензии к существующим системам мониторинга государственных программ. Это бывают совершенно разные направления, разные замечания и предложения, но всегда поднимается вопрос о необходимости систематизации и совершенствования этой работы. Поскольку эти показатели, индикаторы, которые используются для мониторинга эффективности реализации стратегических программ развития в регионах, являются, наверное, ключевыми, по ним мы определяем, насколько эффективно что-то делают федеральные и региональные органы власти, то совершенствование работы социологов в этом направлении – наверно, одна из приоритетных задач на сегодняшний день.

И переходя к дискуссии, я хочу представить нашего модератора, генерального директора автономной некоммерческой организации оценки регулирующего воздействия управленческих решений «Институт научно-общественной экспертизы», заместителя председателя Комиссии по поддержке семьи, материнства и детства Общественной палаты РФ Сергея Игоревича Рыбальченко, который сегодня будет вести нашу дискуссию совместно со мной. А первое слово мы предоставляем Михайленко Евгению Константиновичу, начальнику Департамента управления Администрации Президента РФ по внутренней политике. Евгений, что Вы ожидаете от сегодняшней дискуссии, какие проблемы Вы видите, что нам важно сегодня обсудить?

Евгений Михайленко: Спасибо большое. Приветствую вас, мне очень приятно видеть не только знакомых, но и очень близких мне людей, действительно очень приятно, я вам очень рад. Наверное, вот эта дискуссия для меня самая непонятная из всей программы. Я Елене вчера об этом честно рассказывал, и я считаю, что сегодняшнее общение, оно будет, наверное, попыткой что-то написать на чистом листе. Может быть, что-то из этого получится, а может быть, ничего не получится, потому что для меня понятие «мониторинг» - это настолько рабочая инструментальная вещь, которую, обсуждать, собственно, незачем.

Понятное дело, что именно на мониторингах мы и строим изучение общественного мнения, на отдельных ad hoc исследованиях. Все ранее проведенные ad hoc исследования повторялись много раз, независимо от того, какая тема. Мы много раз смотрим и, соответственно, наблюдаем за изменениями в общественном мнении. Поэтому можно сказать, что на текущий момент Администрация Президента, федеральный орган власти, сформировала и отладила механизм мониторинга общественного мнения и, может быть, не самокритично, но мы, честно говоря, не очень видим недостатки в этой системе.

Могу сказать про революцию, которая произошла за последние несколько лет. Во-первых, мы для диагностики ситуации, для оценки изменений, стали чаще использовать качественные исследования, данные фокус-групп. Может быть, это, в том числе, и мое, авторское влияние, потому что я скорее социолог-качественник. Во-вторых, мы результаты опросов фокус-групп стали реально встраивать в алгоритмы принятия управленческих решений. Если говорить о конкретных кейсах, то мы вторгаемся в очень деликатную сферу. Соответственно, кейсы называть не буду, но, в принципе, почти каждое серьезное управленческое решение мы принимали на основании социологического исследования, или корректировали какие-то управленческие решения, смягчали их на основании социологических исследований.

Помимо длинных рядов с неизменными формулировками, которые в мониторинге самое важное, мы стали активнее использовать новые вопросы. Мы стоим в поиске новых формулировок, которые сначала тестируем на фокус-группах, адаптируем их, и после этого применяем, делаем из них новые длинные ряды. Мы активно используем, - активнее, чем раньше, - телефонные опросы. С помощью компании ВЦИОМ мы проводим такие опросы ежедневно. Это означает, что мы каждый день можем понимать, как изменяются ключевые политические индикаторы.

Помимо тактических задач, мы стали чаще использовать мониторинг по стратегическим темам. То есть помимо, например, таких задач как мониторинг оценок власти, мы мониторим в том числе образ будущего россиянина, то есть ценностные ориентиры или запросы граждан, фактически по этим всем сложным темам у нас тоже есть отдельные мониторинговые линии. Ну и мы выстроили систему ключевых показателей эффективности, это не секрет, потому что об этом писали и СМИ, и в телеграм-каналах, поэтому коротко и лаконично я могу это все обозначить.

Администрация Президента за последние годы стала более активно ставить задачи социологам, то есть мы стали более активными постановщиками ТЗ. Могу вспомнить времена, когда ФОМ и ВЦИОМ самостоятельно выбирали какие-то резонансные темы, которые социологи не могут пропустить. Сегодня на пленарном заседании Хайкин Сергей Романович об этом говорил – если нет заказчика, то социолог должен видеть это сам, ставить темы в анкету. Наверное, взаимодействие между социологами и заказчиком стало настолько плотным, что, в принципе, такого сейчас почти не происходит, мы совместно определяем все темы и совместно превращаем эти темы в формулировки вопросов. Ну и, наверное, произошел такой мощный симбиоз социологов во власти и в социологических организациях, что мы постоянно друг у друга учимся, и делаем это с большим удовольствием.

Как и раньше, - теперь уже не про революцию, а про то, что осталось неизменным, - мы проводим как федеральные исследования, так и региональные исследования, и здесь я постепенно перехожу к зоне проблемных вопросов. Региональные исследования, как и раньше, мы проводим с помощью федеральных компаний – ФОМ, ВЦИОМ, изредка какие-то другие федеральные компании - Задорин, «Циркон», «Инсомар». Но региональные компании, которые проводят исследования в своих регионах, не предлагают такой продукт, который нам был бы интересен, к сожалению.

Я бы хотел попробовать обозначить набор пунктов, которые, на мой взгляд, приводят к этому. У нашей службы социологической есть очень серьезный запрос на подробную социологическую информацию из регионов. Мы ее получаем сейчас, как я уже сказал, от ФОМ и ВЦИОМ через так называемый проект «Геовыборы», когда мы исследуем отдельно взятые регионы, в которых в этом году проходят избирательные кампании, и через большой мега-проект, он так и называется «МегаФОМ», георейтинг, когда мы смотрим 85 субъектов, 800 респондентов в каждом из них. Мне этого мало, я бы хотел получать от каждого региона надежную, валидную информацию от социологических операторов, но сейчас этого не происходит. Итак, возможные причины.

Во-первых, остается низким качество инструментария, даже проблемы не только в низком полстерском качестве, а, скорее, отсутствии универсальных подходов в формулировках вопросов. Я не могу сравнивать ситуацию в Ивановской области и в Забайкальском крае, когда для оценки деятельности губернатора используются разные шкалы или разные формулировки вопросов. Я уже не говорю о таких нюансах, когда в анкете вопросы об оценке губернатора стоят в разных местах. Я понимаю, что в этой анкете на ответ на этот вопрос влияют одни, ранее заданные вопросы, а в другой анкете - другие ранее заданные вопросы. И это тоже я считываю сразу, и мне понятно, что оценки из-за этого могу отличаться. Это, наверно, ключевая проблема, с которой ВЦИОМ работает: мы с ними проводим совместно семинар для региональных представителей администраций, для сотрудников администраций регионов, которые занимаются социологическими исследованиями. Но, к сожалению, эффективность этой работы пока не очень высока, мы находимся на начальном этапе, несмотря на то, что уже год этим занимаемся.

Во-вторых, я считаю, что региональная социология создает очень большое количество так называемого социологического шума. В регионе есть деньги на социологию, их очень мало чаще всего, но все эти деньги зачастую тратятся на какие-то исследования, заказчиками которых являются то Управление по спорту, то Управление по молодежной политике, то какое-нибудь ещё управление. В результате эти исследования проводятся непонятными социологическими организациями. Честно говоря, в этих результатах просто бессмысленно копаться для того, чтобы выбрать что-то надежное, на основе чего можно делать какие-то серьезные выводы. Поэтому региональный мониторинг в отдельно взятом регионе строить на основе этих данных просто не могу.

К сожалению, я иногда вижу, и до меня доходит информация, что происходит с результатами их исследований, которые были заказаны этими многочисленными управлениями, - они просто идут сразу в мусорное ведро. Они не идут в архив даже, они просто выбрасываются, потому что у таких исследований нет настоящего заказчика. Кстати, есть исключения – это те регионы, где исполнителями являются ФОМ, ВЦИОМ, «Циркон» или «Инсомар, или какие-то еще федеральные компании. Но там мы видим еще и включение представителей компании в так называемое целеполагание, то есть они не бросают заказчика на этапе после проведенного исследования, они помогают такие результаты интерпретировать, а в некоторых случаях и внедрять в деятельность.

Следующее. Мне присылают много региональной социологии, потому что некоторые люди считают, что ее надо мне присылать, но я редко вижу интересную социологию, ну то есть которая действительно соответствует актуальной информационной повестке. Тогда, как наоборот, я иногда звоню в какой-нибудь регион, потому что понимаю, что сейчас в регионе проходит резонансное событие, и на это резонансное событие социологи должны ответить оперативной социологией, и ее там нет. Вчера звонил в республику Якутия, попросил прислать оперативную социологию по тем событиям, которые там происходят. Вы, наверное, все в курсе, потому что это очень резонансно. Но социологию там не делали, и даже не запустили, и даже анкеты не начали разрабатывать, но посчитали достаточным проведение мониторинга социальных сетей. Ну и как сегодня об этом говорил Сергей Владиленович, новые инструменты – это прекрасная возможность дополнять социологию, а не заменять ее.

Дальше. Наверное, стоит отдельно еще раз сказать о проблеме ресурсов. Причем в результате этой проблемы на рынке активничают непонятные исполнители, которые готовы проводить опрос 10000 респондентов за 300000 рублей. И это проблема не только 44-ФЗ, это проблема еще имеется, полагаю, со стороны представителей региона, которые ставят задачу, потому что они должны понимать, что анкета не может стоить 300 рублей.

Дальше. Мне также известны ситуации, они довольно-таки регулярно происходят, когда региональная администрация перебрасывает деньги, которые предназначены на социологию, на другие нужды, например, на «Медialogию» или на тот же мониторинг сетей. Ну, коллеги, это не очень хорошо, на социологию и так мало денег выделяется. О том, что сказал, мы, наверное, будем обсуждать детально с представителями региональных администраций, которые отвечают за социологию, где-нибудь в мае на семинаре с компанией ВЦИОМ, я думаю, что это одна из тем, на которой нужно сделать акцент в этом году.

И последнее, но, пожалуй, одно из самых важных – это проблема с кадрами, то есть это низкий уровень компетенций, причем низкий уровень компетенций есть как со стороны заказчика, так и исполнителя. Со стороны заказчика уровень компетенций низкий, оно и понятно, чаще всего там, в лучшем случае, политические менеджеры, которые не должны и не обладают очень глубокими социологическими компетенциями, а им приходится, и они должны ставить задачи социологами, они должны интерпретировать результат, и они должны принимать управленческие решения на основе этих цифр. Соответственно, они не всегда это умеют, редко когда они это умеют, им нужна помощь со стороны профессионалов, профессиональных социологов. Именно когда такая помощь оказывается, социолог становится социальным инженером, одна из тем нашей конференции. Но открытым остается вопрос компетенции социолога, учитывая, что многие исследования просто проводятся не очень компетентно, они заказчику отдают цифры, на основе которых принимаются управленческие решения, и зачастую эти решения являются ошибочными просто потому, что социология делается некачественно.

И в том, и в другом случае понятно, что делать, у меня пока единственный инструмент, который реализуется – это упомянутые мной семинары, и мы в этом году будем

проводить семинар не только для представителей региональных администраций, но и для модераторов фокус-групп региональных социологических компаний. Я думаю, что ВЦИОМ в свое время об этом уже расскажет подробнее. Наверное, нужно повышать компетенции и заказчика, и исполнителя одновременно.

Напоследок приведу примеры хорошей организации региональной работы. Вспомним прошлый год, протестную, конфликтную ситуацию вокруг полигонов ТБО в Московской области. А это был год, когда в Московской области проходили выборы губернатора, соответственно, регион очень активно мониторил развитие этой ситуации, на основе этого мониторинга принимались управленческие решения и, если судить по динамике, эти управленческие решения были очень эффективными. Начинали с того, что весной в ряде муниципалитетов положительные оценки Воробьева были около 10%, в частности, по-моему, около 4% было тех, кто сказал положительное о его деятельности. Проводилась очень большая работа для того, чтобы тушить этот пожар и реализовывать антикризисные меры. 62,5% - результат Воробьева на выборах, это очень хороший результат в этих условиях. Впрочем, условия к сентябрю были всерьез изменены, и эта проблема уже не воспринималась как острая.

Другой пример, который мне хотелось бы видеть в большем количестве регионов. Я вчера несколько регионов специально начал обзванивать после того, как захотел найти третий, четвертый или пятый пример, вот нашел только два, соответственно. Это Нижегородская область. Там, по крайней мере, пришли к тому, что должна быть хорошая систем социологического сопровождения работы губернатора, которая по плану бы складывалась из ежемесячного телефонника, цель которого как раз намониторить формирование длинных рядов. В том числе, целью этого телефонника будет выявление и оценка резонансных событий для того, чтобы журналистам предлагать в формате пресс-релизов интерпретацию, трактовку этих событий. Это правильный ответ в ситуации, когда журналисты хватают первые попавшиеся социологические данные, чаще всего негативные для власти, и начинают их интерпретировать. И когда им звонит замгубернатора по внутренней политике и спрашивает: что вы публикуете, это же неправда? А они говорят: а у нас другой социологии нет, мы нашли в интернете вот это исследование, посчитали, что людям будет интересно. Соответственно, вот в Нижегородской области озаботились тем, чтобы хотя бы раз в месяц проводить корректную, валидную социологию.

Второй компонент – это ежеквартальное комплексное исследование, когда есть количественный опрос в целом по региону, с выборкой, достаточной для того, чтобы делать выводы об административном центре, и фокус-группы. И, как минимум раз в год, в идеале два раза в год, большое количественное исследование в разрезе муниципалитетов. Ну, понятное дело, что здесь ключевые цели политические, но, помимо этого, есть план ставить в анкеты сменные блоки, которые будут формироваться в один (один раз это будет тема межнациональных отношений, другой раз это будет тема коррупции и т.д.). То есть такой довольно гибкий и умный подход. Вот, как я уже сказал, я попробовал вчера найти еще такие примеры комплексных подходов, я еще вот не нашел. То есть я звоню, а человек говорит: знаете, у нас все как бы плохо с этим, ну вот как бы в прошлом году 2,5 миллиона было на социологию,

но мы не увидели из этого системы. И я поэтому поставил точку, я перестал искать эти регионы, но принял для себя решение, что, видимо, настало время для мониторинга региональных мониторингов для того, чтобы предпринять какие-то уже управленческие действия в адрес этих регионов. Спасибо большое.

Модератор: Коллеги, есть ли у кого-то вопросы к докладчику? Пожалуйста.

Реплика из зала: Я представляю комитет Московской торгово-промышленной палаты. Скажите, а есть ли какие-то исследования или индексы, не только ООН-овские, которые были предложены, а наши российские, по которым можно будет оценивать вот эти социальные эффекты управления территориями? Просто, может быть, мы чего-то не знаем?

Евгений Михайленко: В регионах я этого не встречал. Впрочем, надо сначала разобраться с терминами, потому что очень много разных терминов – устойчивость, стабильность, эффективность, и этого всего очень много, поэтому если Вы потом конкретизируете свой вопрос, я скажу – видел я это в регионах или нет, но вот со слов сейчас точно скажу, что не слышал. Может, кто-то другой может сказать.

Реплика из зала: Евгений Константинович, можно? У меня как бы два вопроса. Первый вопрос – если берем регион какой-нибудь, то там не только же мы сталкиваемся с проблемой необходимости выделения средств из регионального бюджета на просто хотя бы мониторинг региональной ситуации. Но по законодательству еще ведь необходимы муниципалитеты мониторить, постоянные отчеты. То есть это такая системная проблема, по которой, может быть, не столько надо высказывать в какой-то части претензии регионам, поскольку ее глобально не решают. Второй вопрос. Есть вопиющие факты, действительно, то, что вы сказали, кадровых, что ли, назначений в регионах людей, которые в том числе отвечают так или иначе за внутреннюю политику. Есть целый ряд примеров, может быть, сейчас некорректно будет их называть. На сегодняшний день, когда назначаются эти люди, которые не имеют отношения в прошлом ко внутренней политике, к социологии, к политическим процессам, о каком качестве вообще кадровой работы мы можем говорить тогда во внутренней политике? Вот как этот вопрос на сегодняшний день решается?

Евгений Михайленко: Давайте я попробую ответить. Вы говорите, что надо системно решать, безусловно, да. Если есть предложения, то присылайте, это вообще касается всех. Если есть предложения, касательно Федерального закона, присылайте, давайте будем поднимать эту тему. Но что касается того, насколько реалистично работать в рамках существующего законодательства, безусловно, можно, потому что ряд регионов, в том числе, те, которые положительные примеры я назвал, это делают. Да, безусловно, когда вес самого фактора составляет 60%, возможно всякое, и организация, которая имеет хороший опыт, хорошее качество, не всегда выигрывает – это проблема. Но все-таки более острой является проблема, когда сам заказчик, то есть администрация региона обозначает не очень правильные условия во время конкурса. Вот с этим, безусловно, можно работать.

Реплика из зала: Специалистов нет. Это как раз второй вопрос.

Евгений Михайленко: А это второй вопрос, второй вопрос про специалистов. Вот если говорить про замгубернаторов по внутренней политике, то их назначают по согласованию с федеральным центром, и федеральный центр влияет на их отбор. Но если еще федеральный центр будет вмешиваться в определение кандидатур, которые занимаются в регионе социологией, то, извините, тогда вообще надо все делать из Москвы. Все-таки я думаю, что регион должен иметь самостоятельность по всем вопросам, включая выбор социологов типа чиновников внутри администрации региона. Москва может помочь только в повышении компетенции, чем мы собираемся продолжать заниматься со ВЦИОМом. Но, с другой стороны, в регионы на самом деле не очень-то и рвутся социологи, имеющие хороший опыт. Ну, например, у меня есть несколько запросов из регионов, хотят социологов, имеющих опыт, то есть не начальных, не с минимальным опытом. Например, кто из вас, скажем, готов поехать в Тверь и выстроить там с нуля систему социологического сопровождения губернатора? Если есть такой человек, подойдите ко мне, пожалуйста, после сессии. Или в Республику Дагестан, например, поехать, там довольно свежий губернатор, Васильев, который по-новому выстраивает систему в республике, в том числе, систему работы с элитами. Там есть запрос на хорошего социолога, который будет все это выстраивать. Кто поедет в Дагестан, поднимите руку? Есть другие еще регионы.

Модератор: Последний вопрос, пожалуйста.

Реплика из зала: Мы проводим комплексное исследование по мониторингу общественно-политической ситуации. И исходя из Вашего выступления, я хотела бы задать вопрос. Скажите, могут быть предложены регионам вот стандартизированные формы анкет для оценки общественно-политической ситуации, в том числе деятельности губернатора и т.д.? Возможно, это поспособствовало было эффективному сравнительному анализу между субъектами? Это первый вопрос, и второй. Мы в каждом социологическом исследовании ставим задачи, ежеквартально они меняются, мы когда включаем коррупцию, когда включаем безопасность, когда профилактику экстремизма и терроризма, какие-то задачи, может быть, которые нужны, мы упускаем. Можно ли так же будет получить рекомендации по задачам, которые вот должны быть решены в тех или иных исследованиях? Спасибо.

Евгений Михайленко: Да, безусловно. Я прошу помочь Елену Михайлову с распространением контактных данных, лучше общаться через ватсап и электронную почту.

Сергей Рыбальченко: Евгений Константинович, спасибо за Ваше выступление. У меня, например, такой вопрос. Сейчас меняют систему показателей оценки деятельности губернатора, с 24 мы переходим к 15, из них есть такие показатели ключевые, которых раньше не было, о которых мы говорили в рамках пленарного заседания, например, доверие к власти, к президенту, к губернатору. А есть показатели текущие, которые социально-экономические, в том числе, и экономические, и социальные отдельно. И очень часто бывают действия властей непопулярными. Например, вы хотите открыть завод, создать высокопроизводительные рабочие места, и вы создаете действительно большое количество таких мест. Доверие ваше падает. Это какая-то динамика, один показатель растет, второй нет.

Вот в Вашем понимании, каковы критерии оценки эффективности деятельности власти, исходя из этих показателей системы? Существует ли интегральный показатель, по которому, скажем, на встречу к президенту, когда приходит этот губернатор, ложится справка, где говорится, что ну вот этот губернатор эффективен, и он эффективнее очень многих, несмотря на то, что его доверие к власти на сегодняшний день не очень высокое? И как оценить, и, с Вашей точки зрения, кто должен давать такую оценку и насколько возможны такие интегральные показатели?

Евгений Михайленко: Спасибо. Эти интегральные показатели существуют, такую оценку формирует наша служба. Соответственно, эти документы первому лицу предоставляются перед встречей с соответствующим губернатором. В этот интегральный показатель, безусловно, входят такие составляющие как оценка деятельности губернатора, как запросы на обновление губернатора в регионе, как оценка деятельности президента, потому что это взаимосвязанные вещи. Самое главное – как раз те два вопроса, которые Вы назвали в числе ключевых показателей эффективности, из 15 два социологических – это доверие президенту и доверие губернатору.

Доверие, кстати, довольно свежий показатель, который мы стали активно использовать, в том числе, после активных консультаций, мозговых штурмов с социальными и политическими психологами и фокус-групп с гражданами. Поскольку доверие – это как сам по себе интегральный показатель, включающий в себя оценку ресурсности власти, результативности ее работы, открытости и других вещей, которые вкладываются людьми в это понятие. Поэтому доверие мы добавили, в том числе, и в КПЭ, ключевые показатели эффективности работы губернаторов по региону. Спасибо.

Модератор: Коллеги, я думаю, что именно благодаря вот такому эмоциональному и ответственному отношению к своей работе, увлеченности своей работой Евгений смог выстроить настолько совершенную систему по своему направлению. Но у нас мониторинги проводятся на разном уровне, проводятся они практически каждым федеральным ведомством, агентством. Федеральные структуры в правительстве получают из регионов свои показатели. Что они с ними делают, с какими проблемами сталкиваются, как выстраивают свою работу? Я бы сейчас хотела передать слово Салагаю Олегу Олеговичу, заместителю министра здравоохранения РФ.

Олег Салагай: Добрый день, уважаемые коллеги! Мне очень почетно и ответственно присутствовать в этой аудитории, прежде всего потому, что я не являюсь социологом, но я являюсь каждодневным потребителем той важной информации, которую социологи предоставляют. Я попробую очень кратко ответить на те вопросы, которые сегодня перед нами ставились, вот как раз через призму потребителя этой информации, человека, который занимается выработкой госполитики на определенном сегменте. Попробую еще более сократить тему такой своей короткой интервенции до реализации Указа Президента №204. Вы все знаете, что этим Указом поставлены основные задачи, которые стоят перед нами на ближайшую перспективу, и те цели, которых мы должны достичь. И вот в связи с этим, конечно, мы должны понимать, что для нас как для организаторов, в моем случае – в сфере здравоохранения,

социологическая информация, вообще социологические исследования, представляют ценность на нескольких этапах.

Это, прежде всего, на этапе постановки задачи. Скажем, если говорить о проекте укрепления общественного здоровья, есть такой «указной» показатель как увеличение доли лиц, ведущих здоровый образ жизни. Цель ясна, но каким образом декомпозировать эту цель до конкретных задач? Вот здесь, конечно, нам не обойтись без должным образом проведенных социологических исследований, то есть определить потребности людей, определить те причины, в силу которых люди избегают здоровьесберегающего поведения.

Затем, конечно, для реализации таких задач нам не обойтись без помощи Вас, уважаемые коллеги, по определению перечней индикаторов. И вот, говоря об индикаторах, я не могу не согласиться с тем, что было сказано Евгением Константиновичем относительно синхронизации индикаторов и синхронизации задач с принятием управленческих решений. Потому что я могу привести с десятком индикаторов, которые нам предоставляются по результатам самых различных социологических исследований, в том числе, социологических исследований, проводимых весьма уважаемыми коллегами, которые никаким образом не могут быть использованы для принятия управленческого решения. Они могут иметь любое значение, они могут быть средством оценки политической ситуации, могут быть использованы каким-то образом в электоральном контексте, однако с точки зрения управления здравоохранением они существенной ценности не представляют.

Я назову, может быть, один из таких наиболее обсуждаемых или дискуссионных показателей – это показатель, связанный, например, с отношением к системе здравоохранение. Потому что, если у человека спрашивают только лишь, - я думаю, что присутствующие в зале социологи со мной согласятся, - как он относится к системе здравоохранения, то получить какой-то релевантный ответ, который бы отражал состояние самой системы здравоохранения, весьма затруднительно; он будет говорить, скорее, о своих эмоциях, которые возникают при слове «здравоохранение», это даже не оценка опыта, потому что опыт не всегда в данном случае имел место.

Поэтому мы, конечно, просим наших коллег, которых занимают социологией, и в том числе социологией для Министерства здравоохранения, конкретизировать вопросы, максимально конкретизировать вопросы, максимально сегментировать аудиторию, для того, чтобы понимать вот те проблемы, которые действительно могут лежать в основе неудовлетворенности человека и, соответственно, быть для нас определенным объектом для принятия управленческих решений.

Ну и, продолжая разговор о том, что нам необходимо. Нам, конечно, необходимо анализировать динамику. Вот для анализа динамики еще только предстоит выработать социологические показатели. Потому что вот по здравоохранительным показателям нам все достаточно ясно. Скажем, у нас есть показатель по увеличению доли лиц, ведущих здоровый образ жизни, у нас есть показатель по сокращению соответствующих видов смертности, увеличения ожидаемой продолжительности жизни. Но при этом каким образом и в какой момент мы должны опираться на социологические исследования, -

здесь, коллеги, скорее вы нам должны подсказать как профессионалы, потому что для нас это является, в общем, достаточно сложной задачей.

И здесь, опять же, я не могу не сослаться на то, что было сказано Евгением Константиновичем относительно повышения квалификации заказчика социологических исследований. Это как раз то, что действительно нам необходимо, нам важно понимать все эти возможности, которые социология предоставляет. Для вас они, может быть, кажутся очевидными, но для нас, как для специалистов другой отрасли, зачастую это остается если не загадкой, то, как минимум, достаточной проблемой.

У нас был достаточно широкий опыт применения социологии в коммуникационных кампаниях, когда, скажем, нам нужно сегментировать аудиторию, подобрать правильно ключевое сообщение. Но, если резюмировать, одной из главных задач, которую мы себе видим в плане развития сотрудничества с социологическими организациями, конечно, стоит задача по поиску социологических индикаторов, движения по реализации нацпроектов. И мы как министерство открыты к такому сотрудничеству и будем очень рады, если с вашей стороны будут поступать какие-то дополнительные предложения, мы их всегда будем оперативно рассматривать и стараться использовать в своей работе. Спасибо.

Модератор: Пожалуйста, вопросы

Реплика из зала: Спасибо большое. Я хотел задать вопрос. Вы говорили о том, что много собирается социологической информации, и крупные компании проводят опросы. Но одно из самых крупных исследований, которое проводит министерство – это независимая оценка качества услуг. Я понимаю, что не Вы занимаетесь в министерстве этим, но, тем не менее. Я член Общественного совета при Минздраве Самарской области. Мы неоднократно эту тему поднимали, говорили, что и выборка, и анкета ниже плинтуса, там просто кошмар на кошмаре. Это было в позапрошлом году, это было в прошлом году, все это повторяется в 18 году, по этому поводу написано огромное количество записок и т.д. То есть я бы это показывал своим студентом, но это окончательно подорвет их доверие нашему здравоохранению. А это самое, наверное, масштабное социологическое исследование, которое проводят на местах, правда, бесплатно. Есть ли какие-то здесь подвижки, можно ли как-то изменить этот подход, сделать его более профессиональным?

Модератор: Олег Олегович, планируется как-то систематизировать эту работу, делается что-то в этом направлении?

Олег Салагай: Делается, и делается немало. Я просто думаю, что формат нашей сегодняшней встречи вряд ли позволяет детально проговорить эти проблемы. Потому что коллеги сказали – ужас и кошмар, планируется ли что-то сделать в этом направлении. Конечно, планируется, и здесь просто нужно понять, что именно вы называете ужасом и кошмаром для того, чтобы конкретно эти вещи обсудить. Я понимаю, что, наверное, Вы поднимали в Самарской области эти вопросы, давайте просто переговорим после мероприятия, и Вы мне обозначите те проблемы, которые Вам кажутся наиболее сложными.

Что касается определения зарплат по итогам рейтинга, я как практиковавший врач, я не могу не возмущаться, когда рейтинги учреждения ложатся в основу заработной платы конкретного врача. Здесь, конечно, подход должен быть очень комплексным, потому что очевидно, что работа доктора влияет на работу медицинской организации. Но это далеко не все, и удовлетворенность пациента работой медицинской организации пропорциональна, но не только лишь определяется работой конкретного доктора.

Поэтому здесь, конечно, подход быть большим и сложным. Министерством проводилась работа, например, в части увеличений фиксированной части заработной платы, вы знаете об этом, это делалось по поручению министра 2 года назад. Кстати, Калининградская область в этом тоже принимала участие, когда вот эта мобильная часть заработной платы сокращалась в пользу фиксированной части как раз для того, чтобы избежать произвола. Вот здесь тоже вопрос нетривиальный, на мой взгляд, как рейтинг вообще, и как результаты удовлетворенности пациента должны учитываться при определении зарплаты конкретного врача? Наверное, должны как-то. Мы же не можем игнорировать мнение пациента. Но здесь вопрос к вам, скорее, уважаемые коллеги, - надо подобрать какие-то правильные модальности этого учета. Очевидно, что это не должно быть единственным критерием. Потому что есть профессии, в которых, к сожалению, удовлетворенность – это далеко не все.

Сергей Рыбальченко: Вы знаете, если мы будем говорить об удовлетворенности системой здравоохранения, я думаю, что наша секция на этом может закончиться, потому что это одна из самых главных на сегодняшний день проблем, и она по всем социологическим опросам всегда выделяется. Президентом поставлена задача достичь ожидаемой продолжительности жизни 78 лет к 2024 году и выйти к 2030 на уровень 80+, это сумасшедшая, фантастическая задача, я много раз именно об этом говорил. И она заключается не только в том, что мы должны какие-то рейтинги и показатели выделить, а вообще понять, ответить на этот вопрос, который мне задал один журналист: «Вы хотите заставить народ долго жить?». Вот в этом смысле. Есть один очень хороший социологический показатель - желаемое, ожидаемое число детей, которое должно появиться в семье. Им очень активно пользуются социологи, и они определяют возможности тех действий, мер, которые могут предпринять. Вот собираетесь ли вы, Олег Олегович, в Вашей работе, при достижении ожидаемой продолжительности жизни, использовать показатель... Ну, например, «Сколько Вы хотите жить, и сколько Вы собираетесь жить? Ведь этот вопрос не праздный и не тривиальный, и какие могут быть ответы на этот вопрос?

Олег Салагай: В общем, да, Сергей Юрьевич, спасибо большое за вопрос. Действительно, вопрос нетривиальный, как вы сказали.

Вы знаете, что в качестве одной из задач у нас присутствует увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни, это просто появилось впервые. Мы отходим от измерения только ожидаемой продолжительности жизни. И это как раз показывает, что вектор в том числе направлен в ту сторону, о которой вы говорите. Здесь надо понять, как мы это можем учесть, потому что очень легко поставить какие-то индикаторы, которые измерять это будет очень интересно, и, наверное, из этого нужно делать какие-

то выводы, но при этом мы не сможем на основании их корректировать наши тактические решения. Вот здесь очень важно, чтобы вы при нашей весьма тактической работе руководствовались очень понятной системой координат. Тот индикатор, о котором Вы говорите, он очень важен для выбора цели. И вектор. Мне кажется, что в этом смысле вектор совпадает... Вектор того показателя, о котором Вы говорите, он совпадает с вектором показателя ожидаемой продолжительности здоровой жизни, то есть это может быть не один и тот же показатель, но направление примерно то же.

Модератор: Еще, пожалуйста, вопрос.

Антон Дмитриев: Антон Дмитриев, SEO ЦСР. Сразу такой вопрос: как проводится опрос? Идешь в больницу, главврач скажет: «Этого опрашивай, этого не опрашивай». И это будет всегда продолжаться, пока заказчиком данного исследования является региональное министерство здравоохранения, потому что, раз они платят, то они хотят получить определенные результаты, которые пойдут наверх. Рассматривается ли вопрос, чтобы заказчиком вот этого исследования было федеральное министерство, и чтобы производилось не через субъекты, даже маленьких компаний, потому что на нас надавить легко, а вот через ВЦИОМ, ФОМ, Инсомар. Вот тогда, и методичка будет хорошая, и удовлетворённости больше было бы сразу.

Олег Салагай: Спасибо большое за вопрос. Вы знаете, мне кажется, что Ваш вопрос поднимает гораздо более глубокую проблему. Мне совершенно непонятно, как организатору, а почему региональный коллега не хочет воспользоваться этим опросом, или врач не хочет воспользоваться этим опросом, для того, чтобы получить объективную информацию.

Я все-таки, во-первых, не стриг бы всех под одну гребенку, совершенно точно, потому что очень разные учреждения, очень разные организаторы и так далее. Возвращаясь к вопросу, связанному с принятием управленческих решений. Вы понимаете, если вы спросите пациента в конкретной больнице: «Удовлетворены ли вы чем-то?» Зададите какой-то очень общий вопрос. Вот как главный врач этой больницы, который в общем, в текущей конфигурации, является организатором работы конкретного учреждения, может комплексно повлиять на этот показатель? Что ему нужно сделать? Если мы с вами, я еще раз возвращаюсь к этому, правильно подберем индикаторы, которые будут ему понятны, - вот здесь, наверное, он станет не просто нашим проводником, а станет союзником в этой независимой оценке.

Мне кажется, что задача должна скорее быть в этом - чтобы мотивировать человека использовать социологию для того, чтобы совершенствовать работу своего учреждения. Но у него куча разных показателей. Его ругают за повышение смертности, за госпитальную летальность, за очень много разных критериев медицинских. Но они очень понятны: если у вас есть летальность, вы можете всегда объяснить рост этой летальности. Ну, известный факт, что в очень больших и очень выдающихся учреждениях, не побоюсь этого слова, достаточно высокая госпитальная летальность. Почему? Потому что они берут самых сложных пациентов, и это естественно. От них нельзя требовать низкой летальности, потому что тогда они начнут избирательно подходить к пациентам. Поэтому нам скорее важно в нашей с вами работе не только,

скажем, просто всех опросить и потом сказать, что больницей номер один все недовольны, больницей номер два все довольны. А скорее в том, чтобы правильно найти те точки, на которые мы можем реально повлиять работой организаторов.

Модератор: Я бы поддержала все-таки коллег, потому что мы тоже с этим сталкиваемся: и при проведении независимой оценки качества, и при проведении других исследований, конечно, региональные власти и руководители учреждений заинтересованы в том, чтобы выглядеть очень привлекательно перед теми, куда они отправляют эти результаты. На основании этого и принимаются какие-то решения, распределяется субсидирование. Есть опасения, что оказавшееся на последнем месте учреждение вообще может быть закрыто, не будут выделены деньги на ремонт и так далее.

То есть это связано с конкретными управленческими административными решениями, и надо системно пересматривать вообще подход, как мы работаем с этими инструментами. Сегодня субсидии в ряде случаев выдаются регионам, которые находятся на топовых позициях в рейтингах, в то время как отстающие остаются без поддержки. Это только усиливает разрыв. Сама логика принятия решений не позволяет использовать социологические инструменты, как указывающие на то, что нужно конкретно руководителю делать для повышения качества своей работы, понимаете? Почему, к примеру, при неудовлетворенности населения состоянием учреждений принимаются в отдельных случаях решения об их закрытии, врачей переводят в другие учреждения – а не выделяются в приоритетном порядке деньги на ремонт? Надо системно взаимодействовать и с социологами, и с региональными органами власти для того, чтобы результаты проводимых исследований, мониторингов по-другому использовались. Вообще изменять принципы использования этих данных.

Олег Салагай: Конечно, я абсолютно согласен. Может быть, я не согласен с одним Вашим утверждением о том, что на основании слабой материальной базы врачей переводят, на этот счет никаких инструктивных там писем или указаний нет. Органы власти региона должны принимать решения о работе тех или иных организаций на основании потребности населения. Если есть нуждаемость в соответствующем виде помощи, значит, они обязаны это сделать, и в данном случае скорее инвестиции должны быть с целью повышения удовлетворённости людей. Да, абсолютно все, что Вы говорите, все правильно.

Что касается федерализации, отвечаю на Ваш вопрос. Этот вопрос, наверное, можно проработать, но уверены ли Вы в том, что федерализация такого рода исследований обеспечит однозначное невмешательство руководства лечебного учреждения в процесс опроса?

Реплика из зала: Конечно, они будут вмешиваться.

Олег Салагай: Ну, так, в чем тогда суть федерализации? Ну, сложно сказать, давайте подумаем.

Реплика из зала: Министерство требует от соответствующих министерств на местах проводить такие опросы, опрашивать каждого в каждом лечебном заведении. Это требование министерства. Денег на проведение таких исследований в регионе нет.

Вот пример, который я вам приводил, 12 тысяч опрошенных - 300 тысяч всего было выделено. 25 рублей - анкета. Посчитайте, возможно ли это. Что делали? Рисовали и отдавали главврачу. Ну, тот бросал туда, что надо.

Олег Салагай: Хороший пример того, как делать не надо.

Модератор: Нет, есть примеры, когда реально не хватает денег, и в качестве тех, кто осуществляет мониторинг, выступают, например, члены Общественного Совета. Но мы понимаем, как в ряде регионов формируются эти Общественные Советы, насколько объективной может быть эта оценка, если такие члены пришли с проверкой к заведующему учреждением. Мы понимаем, кого они будут опрашивать, - тех, кто на привилегированных местах, кто даст заведомо позитивные отзывы. То есть это вопрос комплексный.

Я хочу напомнить всем участникам нашего мероприятия, что у нас есть приложение ВЦИОМ, в котором проводятся опросы среди участников конференции. Я прошу всех, кто еще не проголосовал, зайти в приложение и, по крайней мере, по той теме, которую мы с вами сегодня обсуждаем, выбрать те варианты ответов, которые вы считаете наиболее правильными с точки зрения дальнейшего совершенствования работы в сфере мониторинга социологических показателей.

Перед тем как дать слово следующему докладчику, хотелось бы услышать мнение представителей регионов. Пожалуйста, Артемов Антон Викторович – начальник отдела экспертно-аналитической работы Правительства Челябинской области. Антон Викторович!

Антон Артемов: Да.

Модератор: Вот вы в регионе работаете с этими показателями. Вам приходят сверху какие-то постановления, что это обязательно измерять, это не обязательно измерять. Вам надо принимать какие-то управленческие решения. Как это происходит, и где, в чем основные проблемы? И где зоны роста?

Антон Артемов: Немножко надо отразить специфику нашего отдела, и как мы работаем с социологией. В первую очередь, мы – некие медиаторы между властью и научным экспертным сообществом, т. е. мы, с одной стороны, выступаем и как заказчик, с другой стороны, мы выступаем и как исследователи, помогая нашим подрядчикам, собственно говоря, выстраивать нужный инструментарий, правильно ставить задачи.

Какие проблемы у нас в этом контексте возникают? Безусловно, это вопрос стандартизации, который сегодня уже прозвучал. Также у нас существует проблема, связанная с оперативностью получения данных. С чем она связана? Мы вынуждены работать в рамках системы госзакупок, соответственно, там от постановки проблемы до ее реализации происходит очень большой период. Исходя из этого, что мы можем сказать? Каким инструментарием мы сегодня обладаем? Во-первых, мы увеличиваем количество фокус-групп для решения проблемных вопросов, которые поступают нам от заказчика.

Модератор: Это потому, что вам Евгений так рекомендовал? Или вы сами?

Антон Артемов: Это скорее потому, что Евгений Константинович рекомендовал курирующему вице-губернатору уделить этому внимание, а к нам уже пришел запрос на увеличение количества фокус-групп. Также качественно мы увеличиваем присутствие экспертных опросов, но это именно касательно блока проблематики. Есть проблема – мы находим пути ее решения.

Что касается мониторинговых непосредственно исследований, у нас уже на протяжении двух лет выстроена система социологических исследований – это количественные опросы на планшетах. 6 раз в год это проводится, выборка - 1600. Собственно говоря, мы там обрабатываем именно мониторинговую часть по индексам конкретным, мониторингу состояния...

Модератор: А проблема в чем?

Антон Артемов: Какие существуют проблемы? Проблемы именно существуют по постановке задачи нашего руководства. Вот. Ну, у нас, собственно говоря, вчера сменился губернатор (*смех, аплодисменты*), я могу только говорить о предыдущей системе, которая была. У нас была действительно проблема по постановке задач. Как правило, что-то где-то загорелось, выяснилась какая-то проблема, мы вынуждены ее решать. Тот мониторинговый инструментарий, который у нас существует, он частично только позволял выявлять проблемные точки.

Модератор: А чего не хватало?

Антон Артемов: Оперативности. Вот я уже говорил, нам не хватает оперативности.

Реплика из зала: Можно вопрос? А чего не хватило социологии, чтобы помочь решить проблему очень низкого рейтинга Дубровского в городе Челябинск? Ну, там же была обратная ситуация. По всей территории, кроме Челябинска, это был очень сильный положительный баланс, а в Челябинске, наоборот, отрицательный баланс. Причем такой хороший, отрицательный баланс, -30, например.

Антон Артемов: Буквально на прошлой неделе мы получили свежую социологию еще по губернатору. У нас провал уже наблюдался и в муниципальных образованиях. Почему такая проблема существовала? Почему мы не смогли решить этот вопрос? То есть мы, как исследователи, это снимали, наши коллеги, которые занимались исследованиями, они давали конкретные рекомендации. Может быть, тут вопрос в донесении результатов социологических исследований или готовности руководства следовать поставленным рекомендациям. Вот я не могу вам точно на это ответить, но объективно такие проблемы существовали.

Реплика из зала: Можно еще маленький вопрос? Вы сказали про электронные закупки. Проблема не нова. Я очень просто хочу понять. Обычно организаторы-управленцы идут по принципу в электронных заказах дешевизны исследований, что не всегда соответствует профессионализму. Вы как-то на эту проблему обращаете внимание? И как принимаются решения?

Антон Артемов: Ну, мы стараемся придерживаться, скажем так, не общерыночных цен, чуть ниже их, но мы не делаем дешевые исследования. Но проблема не только для нашего региона существует в том, что нам не хватает подрядчиков. У нас существует

два добросовестных подрядчика в регионе, которые способны выполнить требования нашего технического задания.

Реплика из зала: То есть вы пишете под них?

Антон Артемов: Нет, ни в коем случае. К нам и из Тюмени заявляются на фокус-группы.

Реплика из зала: Обычно проблема именно в том, что профессиональные подрядчики, в общем, достойную цену требуют.

Антон Артемов: Они отказываются участвовать в госконтрактах. Помимо того, что возникают недобросовестные участники таких торгов. И для этого мы вынуждены ужесточать технические задания. Мы прописываем подробно, до мельчайших подробностей, в какой срок, когда, что должно быть представлено.

Модератор: Я думаю, Антон Викторович вряд ли может решить вопросы нормативного регулирования закупок. Спасибо большое.

Сергей Рыбальченко: Ну, это вопрос как раз эффективности вашего мониторинга, т. е. вот мониторинг, он делался. Насколько он эффективен, насколько он мог повлиять? Судя по результатам, не очень, да? Или все-таки как вы сами это оцениваете? Не лично про вашу работу говорю.

Антон Артемов: Еще раз хотел бы обратить внимание, вопрос именно взаимодействия...

Сергей Рыбальченко: Чем оцениваете эффективность мониторинга? В данном случае вашего, другого.

Антон Артемов: Изменением ситуации. Существуют еще внешние факторы. Помимо внешних факторов, есть и внутренние факторы - насколько высока готовность политической системы региональной реагировать на полученные данные. Вот в чем вопрос.

Модератор: Спасибо большое. Давайте дадим слово еще одному региону. К нам приехала Мищук Светлана Николаевна. Она приехала издалека, она приехала из Биробиджана, заведующая лабораторией Института комплексного анализа региональных проблем дальневосточного отделения Российской Академии наук. Человек, который активно взаимодействует с региональными органами власти. Она расскажет о том, как она видит проблемы в мониторинге с точки зрения ученого, который с этими данными работает и как-то должен разрабатывать рекомендации, опираясь на существующие показатели.

Светлана Мищук: Спасибо большое за возможность выступить. Я, наверное, выйду на другой уровень чуть-чуть, но для начала такую ремарку. Я вчера была в Институте географии на презентации книги «Российское пограничье». И, честно говоря, даже на выступлении первого докладчика я сижу, и у меня прямо раздвоение личности, т. е. вчера я слышала одну ситуацию, сегодня я вижу прям вот песню. Такая хорошая страна! Все так хорошо! Вот ощущение, что поезд разделился, т. е. локомотив ушел, а вагончики остались, как-то сцепка разорвалась (просто иногда такое случается).

Если говорить о социологии, в региональных исследованиях, я занимаюсь непосредственно миграционными процессами, региональным развитием, я работаю с материалами уже непосредственно мониторингов и т. д. И здесь я абсолютно согласна с тем, что качество исследований, сам подход к разработке и некоторые финансовые ресурсные проблемы встречаются на Дальнем Востоке. Я не могу сказать, что только у нас, - я так подразумеваю, это эта ситуация характерна для многих регионов.

Но если говорить в целом о таком регионе как Дальний Восток, я позволю себе расширить территорию, то здесь ситуация такова, что, например, во многих федеральных исследованиях найти Дальний Восток сложно. То есть он часто не входит в выборку, и там вообще нет по нему вопросов. Иногда такое встречается и во ВЦИОМовских исследованиях. Но я пыталась вытащить именно Дальний Восток, т. е. брала таблицы, но ...

Реплика из зала: Одно дело - вытащить, там маленькое количество респондентов, другое дело - его вообще нет. Такого не может быть.

Светлана Мишук: Он безусловно берется, но здесь хочу сказать о другом. Отдельные проводились исследования, непосредственно территориальные по Дальнему Востоку. Мы вот сотрудничали с ВЦИОМом, встречались на демографической конференции по Дальнему Востоку. И здесь был очень хороший опыт для того, чтобы увидеть мнения населения о качестве жизни. Причем в одном исследовании брался сравнительный анализ россиян, живущих вне Дальнего Востока, и россиян, живущих на территории Дальнего Востока, там мнения о Дальнем Востоке. Другое было о миграционных настроениях.

То есть вот для того, чтобы понимать, что происходит с регионом, учитывая все то, о чем мы сейчас сказали - проблемы с ресурсами в отдельных регионах, проблемы методические. То есть чтобы получить некоторый срез более-менее адекватный, и тем более по конкретной территории, вот я говорю о Дальнем Востоке, это бывает сложно. А вот как раз эти исследования, они помогли понять ситуацию. Поэтому, на мой взгляд, если есть такая возможность, то мониторить. Мы говорим не только об эффективности мониторинга, мы говорим о мониторинге эффективности. А сейчас реализуются проекты развития Дальнего Востока и, может быть, я в данном случае не в курсе, но исследований в последние там год-два по Дальнему Востоку отдельно я не встречала. То есть, может быть, пора? Это как некий такой вопрос от науки.

Евгений Михайленко: Сейчас ситуация изменилась.

Светлана Мишук: Она действительно меняется. То есть пора это увидеть уже в виде мониторинга.

Модератор: Светлана Николаевна, сейчас проводится конкретный замер, 10 000 респондентов. Скоро Вы увидите результаты и по каждому из субъектов Дальнего Востока получите опять очень объемную картинку. Есть ли какие-то проблемы с интерпретацией и практическим применением тех показателей, которые мы измеряем? Вот в регионе доступна ли эта информация? Где проблемное поле?

Светлана Мищук: Если брать информацию органов власти, если мы говорим о проведении региональных исследований, муниципальных, то, во-первых, их может быть недостаточно, а, во-вторых, опять же, вопрос о качестве. Также благодаря 44-ФЗ у нас были проведены исследования, но проводила исследование вообще фирма вообще из европейской части России. Сумма была смешная. Я говорила с некоторыми представителями органов власти, они говорили, что это просто надо сделать, а это мы оставим деньги, чтобы сделать реальнее.

И вопросы финансовой обеспеченности – это, конечно, проблема. Я не в курсе, но мне кажется, у нас нет специалистов, которые занимаются социологическими исследованиями в ЕАО. Это наша область, т. е. это явно не тот уровень. Я рада, что есть в других регионах такие службы, на самом деле, это радует. Ну, до нас тоже дойдет. Может быть, курсы, о которых говорили, ВЦИОМа, они помогут в регионах наладить эту систему. Я считаю, что это крайне важно. Если бы это еще финансировалось как-то дополнительно, было бы вообще отлично.

Модератор: Спасибо. Сейчас передаю слово Сергею Игоревичу Рыбальченко. У нас сегодня секция организована совместно с Общественной Палатой Российской Федерации, это партнерская секция. И от имени Общественной палаты Сергей Игоревич расскажет, где они видят проблемы, что они ожидают от социологов, и куда нам двигаться дальше.

Сергей Рыбальченко: На самом деле я, наверное, выступлю со стороны общественности, потому что у общественных организаций и у Общественной палаты есть запрос на открытость этой информации, и в том числе на понятность и на обработку. Например, перед подготовкой к этой конференции я зашел специально на сайт Росстата и посмотрел на те документы, которые регулируют показатели (по крайней мере, обозначают). И там есть ссылки на показатели, но кроме, скажем, унылой странички и набора суммарных коэффициентов рождаемости и прочих, никакой интерпретации, никакой оценки я, по крайней мере, не встретил. Или ссылки, или некой интерпретации.

И несколько слов о тех исследованиях, которые были на Дальнем Востоке. Прежде всего, на Форуме «Сообщество», который у нас был в конце ноября, присутствовал губернатор Ханты-Мансийского автономного округа и Югры Наталья Владимировна Комарова, и когда ей задали вопрос, а как она ориентируется в системе показателей, ведь там 9 целей национального развития, несколько десятков задач, несколько тысяч уже целевых показателей, целевых ориентиров, она говорит: я как балерина, которая крутится на одной ножке и держит у себя в уме три показателя: рождаемость, смертность, миграция. И по большому счету, если мы увидим обращения и тот фокус, который держит у себя президент, он, в общем-то, этот фокус и держит.

Что самое главное? Что из 9 показателей 5 - социально-демографические. Причем они все связаны между собой. Все влияют, в конечном счете, на них, и никакие попытки Президента убедить в том, что нельзя обеспечить естественный прирост населения к 2024 году, пока не увенчались успехом. Он в Федеральном послании снова заявил, что

мы решали эти задачи и в более худшие времена, и сейчас будем продолжать их решать.

И вот та цель, которая озвучена, 78 лет к 2024 году, - она, на самом деле, сумасшедшая. Когда мы говорили об этом на конференциях демографических в 2015 году, эксперты очень грамотные, конечно, посмеивались. Но сейчас она стоит как задача, ее надо действительно определять и брать в фокус. Один из сценариев, который еще в 2012 году озвучил Президент России, он говорит о том, что к 2050 году в стране у нас может проживать 154 миллиона человек, без Крыма, тогда еще не было Крыма в составе.

Этот президентский сценарий, один из сценариев, который рассчитан был нашим институтом вместе с демографической лабораторией, показывает, что только при ожидаемой продолжительности 78 лет с суммарным коэффициентом рождаемости, близким к 2, мы сможем действительно достичь этого президентского сценария. Показатели меняются, их было 24, сейчас 15, но демографический показатель - он все равно присутствует во всех. Как говорит Наталья Владимировна Комарова, что, вращаясь на одной ножке, внутри, как балерина, держит эти три точки у себя в фокусе. Они все равно присутствуют.

А как мы можем на это повлиять? Насколько возможно повлиять на суммарный коэффициент рождаемости? Это ведь тоже нетривиальная задача. Потому что 1,7, и это уже признает Министерство труда, не может обеспечить нам естественный прирост. Но можно ставить задачу достижения этого показателя в более ранние сроки. Мы опираемся на региональный опыт, вот этот опыт не предсказан социологами. То, что в Сахалинской области произошло, начиная с 2011 года, когда они приняли очень серьезный комплекс мер поддержки многодетных семей, он привел к росту рождаемости - я могу сказать, что это мировой рекорд. Франция от показателя 1,6 (показатель, который мы примерно сейчас имеем) к показателю 2,07 в 2010 году шла 16 лет. Причем во Франции объем инвестиций на семейную политику примерно оценивается в 5-6% ВВП. Для сравнения, у нас он ниже 1% ВВП.

Так вот, в Сахалинской области суммарный коэффициент рождаемости был ниже общероссийского. Хотя Дальневосточный федеральный округ в целом опережал Россию, постоянно опережает где-то на 0,1 детей на женщину стабильно. И Сахалин начал расти, примерно по 0,1 каждый год прибавляя, и за 6 лет они достигли - когда мы делали замер, у них было 2,02, а в 2016 году у них был 2,16 детей на женщину. То есть это фактически уровень воспроизводства населения.

Но сколько они расходуют? Мы говорим, что социология очень важна, она нам позволяет оценить, замерить эффективность той или иной политики. Но если нет динамики, если нет объективных показателей, то не из чего мерить, невозможно замерить саму ситуацию. И на Сахалине, если мы их меры переведем на уровень Российской Федерации, если бы такие меры были приняты на уровне Российской Федерации, их объем, с учетом доходов населения, составил бы примерно 1,4 % ВВП.

А на федеральном уровне наш национальный проект, две федеральные программы, они составляют 0,5% ВВП в этом году. Фактически, они соответствует тому уровню,

который мы имеем сейчас по оценке детского бюджета в Государственной Думе. То есть прорыва, на который мы там рассчитываем, добиться таким объемом невозможно. А вот если мы все-таки будем ориентироваться на более высокие показатели, которые есть, на 2%, - этот прорыв возможен. Но при каких условиях? Естественно, при условиях, что будут приняты такие меры. Мы сейчас говорим о Дальнем Востоке - сейчас на Дальнем Востоке живет всего 4,2% населения страны, с учетом новых регионов - 5%. Это фактически, как если мы посмотрим уровень расходов, если это будет даже инвестиции из федерального бюджета, то уровень примерно не более 100 млрд. рублей. Фактически тот пакет, который был предложен в Послании президента, даже меньше. А с учётом того, что еще остались резервы, это вполне можно реализовать.

Но вернемся. Когда мы говорим, что да, это действительно возможно, это реально, это может быть достигнуто, может быть принято, - мы готовим свои предложения в Общественную палату. А насколько эффективна эта политика в самой Сахалинской области, как ее оценивают люди? Потому что когда мы говорим о социальных инженерах, как правильно сказал Ослон, все-таки социологи и социальные инженеры - между ними нельзя ставить знак равенства. Но при этом мы понимаем, что, на самом деле, социальными инженерами должны стать люди. Потому что когда начали опрашивать семьи: какие меры из тех, которые у вас уже введены - в Сахалинской области, этот опрос мы сделали в 16 году - какие меры, которые у вас введены, вы считаете очень важными для вашего решения о рождении детей? И добавили в этот опрос потенциальные меры. Мы их добавляли и в тот опрос, который делал ВЦИОМ на Дальнем Востоке, и здесь мы тоже добавили.

И что мы видим? Например, вот зеленым выделены меры, которые действуют. Безусловно, жилье на первом месте. Но в Сахалинской области, например, такая мера есть - при рождении третьего ребенка погашение жилищного кредита, но не более 2 миллионов рублей. То есть, понимаете, что по сравнению с этим материнский капитал сильно отстает. И та мера, которая принята по итогам Послания, предложена по итогам Послания Президента, - она фактически повторяет ту меру, которая есть на Сахалине, просто в 4 раза меньше, потому что понятно, что ресурсы другие.

Но что мы смотрим, допустим, на третьем месте? Это то, что никогда у нас не фигурирует в нашей демографической политике - компенсация расходов на приобретение путевок в детские санатории и оздоровительные лагеря. Сразу после жилья. И дальше у нас идет, даже на семьи с первыми детьми, действует пособие на второго ребёнка. То есть он еще и не состоялся, второй ребенок, а они считают это пособие очень важным. То есть фактически есть определенная преемственность.

Или, допустим, для семей с 2 детьми у нас жилье остается, опять же, на первом месте, потому что очень сильная мера. А на второе место у нас выходит такая гипотетическая мера - поступление в ВУЗ на бесплатной основе для детей из многодетных семей. А для семей из 3-х она выходит на первое место. О чем это говорит? Что некоторые инструменты, которые могли бы нами использоваться при проведении политики, в том числе и на Сахалине, - мы им объяснили и показали, на что надо ориентироваться, - мы на самом деле не используем.

И вот этот вопрос - кто является социальным инженером, как услышать того социального инженера, от которого зависит наше будущее, в данном случае демографическое, и изменить свою политику, помочь конструированию этого будущего, я думаю, что на самом деле оно является важным. Поэтому что мы хотим, чтобы такие опросы проводились как можно чаще - раз. Во-вторых, у нас есть конкретные претензии к тем показателям, которые на сегодняшний день предусмотрены в национальном проекте «Демография» и в федеральном проекте «Финансовая поддержка семьи». В частности, к суммарному коэффициенту рождаемости. Он сделан от достигнутого. И для Сахалинской области он, допустим, на уровне 2,2. А у Москвы как был 1,38, он, в принципе, и останется. Хотя по уровню доходов на душу населения Сахалин не на много опережает Москву.

Так вот, как раз здесь, в оценку этих показателей, и должны вмешиваться социологи. По крайней мере, мы считаем, что это являлось бы инструментом к тому, чтобы те регионы, которые не сильно напрягаются, заставить напрячься и вводить новые меры, и, в конце концов, решить ту задачу, которую ставит Президент. Спасибо.

Модератор: Коллеги, есть вопросы к докладчику?

Ирлан Шабельников: Шабельников Ирлан, психолог. Скажите, пожалуйста, на каждой территории России существует некий круг, который помимо тех понятий и представлений, которые используются в социологии, используют определенную свою систему языкового понимания мира, структуру восприятия природы. Как вы учитываете эти вопросы в контексте своей работы?

Сергей Рыбальченко: Вы имеете в виду наш опрос?

Ирлан Шабельников: Да, ваш опрос.

Сергей Рыбальченко: В нашем опросе не учитывался, потому что по структуре населения Сахалинская область практически соответствует структуре населения всей Российской Федерации. Исключение составляет высокий процент карельцев, там порядка 4%.

Модератор: Сергей Игоревич, к вам вопрос. Екатерина Курбангалеева, Общественная плата. В своей работе вы опираетесь на какие-то социологические показатели, сами каким-то образом мониторите, какие есть проблемы?

Сергей Рыбальченко: Конечно, опираемся. Во-первых, мы опираемся на мониторинги Росстата. Он в 2009 года назывался «Семья и рождаемость», в 2011 – «Исследование репродуктивных планов населения». Последнее такое исследование было в 2017 году. Мы считаем, что оно, во-первых, проводится очень редко, и есть проблемы там как бы с периодичностью. А второе, мы опираемся, мы просто берем методику такую же, чтобы сопоставлять затем в наших исследованиях, для возможности сопоставления с общероссийскими показателями.

Екатерина Курбангалеева: Мы не только опираемся. Как человек, не чуждый социологии, мы сделали 3 комплексных мониторинга, всероссийских, в рамках президентских грантов. Надо сказать, что мы решили проблему: 1) независимости и автономности исследований, которые задавались. Потому что у нас был опыт, когда у

нас заказало то же федеральное агентство, и оно закрыло результаты, когда получило результаты эти.

Здесь у нас руки развязаны. Мы получили результаты, мы их представили на президентской комиссии, мы представили, соответственно, в Минтруде и в Минобразовании. И надо сказать, что мы делали, как мы решали вопрос исключения вмешательства регионов. Потому что все равно, например, мы у нас было исследование доступности высшего образования для инвалидов. У нас участвовало 165 государственных вузов, каждый третий государственный вуз. В этих вузах сначала мы сделали анкеты, и опросили администрацию этих вузов. В этих же вузах мы опросили студентов. У этих же студентов мы опросили родителей. А потом, помимо этого, мы для этих вузов нашли абитуриентов - и с ними прошли путь поступления. И вот тогда мы смогли объективировать информацию.

Первый мониторинг у нас был по переселению аварийного жилья. Там мы только смогли сформулировать тот самый термин - новое аварийное жилье. По второму мониторингу у нас уже приняты поправки в Федеральный закон. То есть у нас практически полтора года прошло - я думаю, редкое исследование может таким похвастаться. Когда мы нашли это ограничение, мы переговорили с Васильевой, переговорили с Топилиным. Никто из министров не знал о том, что такое ограничение существует. Соответственно, поправки были внесены и уже приняты во все чтения, и президент уже подписал изменения в Федеральный закон.

В результате у нас доступность для инвалидов выросла, каждый год предположительно на 15 %. И еще одно было у нас исследование, когда мы Минтруду доказывали, как часто люди с генетическими заболеваниями проходят переосвидетельствование. Потому что у Минтруда была позиция, что не больше 2 раз. Мы взяли конкретную категорию пациентов. И не просто взяли конкретную категорию пациентов. Чтобы у нас не было у Минтруда вопросов, мы запросили у них акты МСЭ. Мы собрали все и тогда, когда мы показали, что люди проходят по 4, по 5 раз, по 6. Мы через президентскую комиссию инициировали пересмотр.

И, как вы знаете, 339-е Постановление Правительства было по итогам принято в марте прошлого года, в которое вошло 10 нозологий, по которым не в исключительном, а собственно говоря, при первичном переосвидетельствовании сразу дается инвалидность до 18 лет. Я об этом буду подробно рассказывать на панельной дискуссии, которой же я была инициатором, «Сегодня в исследовании, завтра в законе», как у нас получилось это сделать. То есть фактически мы прошли путь от исследования до изменения в законодательстве. Спасибо.

Модератор: Екатерина рассказала о позитивном опыте. Мы сегодня много критиковали, всех критиковали. Я хочу сейчас дать несколько слов Сергею Романовичу Хайкину. У нас в программе был заявлен Мишин Михаил Николаевич – заместитель руководителя Федерального агентства по делам национальностей. Он сегодня к нам не смог приехать. Но я думаю, что Сергей Романович, как человек, который очень много сделал для внедрения системы мониторинга во всех субъектах, для того чтобы повысить качество методик, используемых в регионах, чтобы это стандартизировать, -

он нам скажет пару слов о том, какие все-таки есть проблемы еще в этом направлении, и что мы дальше будем делать для того, чтобы это решалось.

Сергей Хайкин: Спасибо. Друзья, я не планировал специально рассказывать о социологическом мониторинге, который проводит Федеральное агентство по делам национальностей. Но может быть, даже это и к лучшему, потому что я попробую отреагировать на то, что здесь у нас сейчас происходит.

Почти четверть века альянсу новой российской политической социологии и власти. За это время сложились определенные стандарты. И в чем-то это хорошо, а в чем-то это очень плохо. Видите, сегодня Сергей Владиленович нам сказал, что есть просто социологические показатели, по которым оценивают работу губернатора. В том числе есть показатель по нашей части, Федерального агентства по делам национальностей. Там 4 показателя: это общая оценка состояния межнациональных отношений, ощущение неприязни, которое человек может испытывать по отношению к себе, его отношение к другим, отношение к мигрантам. То есть, есть определенные показатели социологические, по которым может оцениваться ситуация.

В условиях нашей крайней забюрократизированной системы это превращается в катастрофу. Потому что, система забюрократизирована безумно, и если есть показатели, которым нужно следовать, то мы получим те показатели, которые зафиксированы в этих документах. Это же вам не кирпичи, это же вам не молоко производить, или мясо, или автомобили. Нужно всего лишь воспроизвести цифру, которая соответствует. А в государственных документах, просто в госпрограммах, под давлением Министерства экономического развития, прежде всего учитывается рост этих показателей.

Представьте себе, у нас сидит показатель - 78% довольных, 80%, 82%, 89%, к 2025 году почти 90% покажет. Мы до экстаза скоро дойдем к 2025 году в своем восторженном отношении. Надо понимать, что с тех пор, как это стало государственным документом, это документ, то есть пишется с большой буквы. Значит, надо это понимать трезво, спокойно и по возможности с этим бороться. Это раз.

Два: вот Олег Олегович ушел, но самая простая вещь, где можно заниматься использованием общественного мнения для оценки ведомства, это как раз Министерство здравоохранения. Потому что там каждый человек является экспертом. Ты как себя чувствуешь? На что вы жалуетесь? Это может сказать каждый человек.

Я только что вернулся из Тывы. Если человеку, чтобы взять анализ крови, нужно поехать 300 км на морозе в 45 градусов - ну мы можем его спросить, он вам расскажет, что он думает по поводу этого. Причем тут социология, когда после моего посещения поликлиники мне приходит по электронке, и ты отмечаешь, понравился ли тебе врач, удовлетворил ли он тебя по качеству приема и прочее. Это к социологии не имеет никакого отношения. Это индивидуальная реакция, которую кто-то просит.

Но сложилось же в маркетинге. А это типичный социальный маркетинг, это никакая не социология, что сам себя не изучай. Ради себя сама изучает Кока-Кола? Ради себя Пепси-Кола изучает или какая-нибудь автомобильная компания? Она поручает кому-то и дистанцируется. Я верю тебе, как эксперту, и после этого ты даешь свои результаты.

Но когда Олег Олегович говорил про федеральный уровень, разве можем на федеральном уровне? Конечно, не можем. Но нужно поручать доверенным компаниям, доверенным корпорациям, которые могут дать такую оценку.

Какая проблема с подбором индикатора в здравоохранении, я вообще не понимаю. Есть мировая практика. Хуже гораздо ситуация с нашими межнациональными отношениями, потому что это вопрос очень чувствительный, тонкий. Я здесь не могу сказать: ох ты, Боже мой, удовлетворены ли вы межнациональными отношениями? Все равно то же самое, когда мы человека спрашиваем: «Оцени, пожалуйста, систему образования». Ну он не может, простой человек, оценить, быть оценщиком системы образования. Надо это все четко понимать.

Вот, осознавая всю эфемерность наших показателей, мы часть усилий потратили совместно с коллегами. Вот здесь сидит Григорий Львович Кертман, - сколько мы часов вместе провели, ругались, обсуждали, для того, чтобы найти какие-то индикаторы, которые адекватно в состоянии отловить впечатления простого человека от ситуации межнациональной. Кроме того, то, что мы традиционно называем межнациональными делами, на самом деле никакие они не межнациональные. Это ощущение человека в связи с одной из его идентичностей. Национальной идентичности, как эта национальная идентичность воспринимает отношение к нему общества и государства. Это уже опосредованно перекладывается на другие национальные группы.

Вот когда мы все это поняли, значит, с одной стороны, надо было разработать систему показателей индикаторов, мы этим занялись. С другой стороны, надо было придумать какие-то социологические механизмы, которые могли бы это снять. Появился первый механизм – это опрос, когда мы людей спрашиваем. Мы это используем, вот этот мегапроект Фонда общественного мнения, вот этот рейтинг, куда вставляем свои индикаторы, и они нам помогают - очень грубо, очень поверхностно, но все-таки сопоставить отдельные регионы. На основе экспертных оценок мы выделяем зоны повышенного социального напряжения и проводим там углубленные исследования. Это вот замечательно то, что нам удалось сделать в Федеральном агентстве. Мы не заранее планируем, что мы в этом году поедим туда-то и туда-то, а мы резервируем мощности, в том числе и финансовые, чтобы каждый раз иметь свободу рук, если где-то что-то возникает, то отреагировать.

Третий инструмент, который мы стали активно использовать, вот Елена Александровна это знает, пока мы не очень довольны результатами, но идея совершенно блестящая, - это экспертная панель. Я это всюду пропагандирую. Мы опрашиваем миллионы людей с дикой интенсивностью. Уже каждый день ВЦИОМ проводит исследования. И что происходит? В противовес этому мы попробовали построить в стране экспертную панель, состоящую почти из тысячи человек. Представьте, из каждого региона десять самых умных. Эксперт – это просто знающий человек. Он входит в эти среды, про которые он нам рассказывает. Часть из вас является нашими экспертами, и мы получаем информацию.

И здесь идея заключается не просто в том, что мы обращаемся к экспертам с просьбой «а ну, оцени ситуацию». Но наши эксперты заточены под наши дела. Но самое главное,

чего мы хотим добиться, - мы хотим добиться обратной связи, и вот потихонечку это начинает работать. Вот пример, который я не мог развернуть, это очень серьезная вещь была с крымскими татарами. Совершенно неожиданно, на пустом месте, зная, насколько это щепетильное дело вот с этим коллаборационизмом во время войны, который постоянно приписывают крымским татарам, вдруг появляется школьный учебник, который не тестировался, не посылался ни в Федеральное агентство, ни в Министерство образования, никуда. Его по школам рассылают. А, время, время.

Модератор: Мне кажется, самый уникальный опыт – это то, что под Вашим руководством были разработаны методические рекомендации по тому, как измерять, которые ушли в регионы. Как это уже интерпретируется, как это реализуется, - это уже другой вопрос, но это было сделано.

Сергей Хайкин: Елена Александровна, я бы не преувеличивал значение этого, но, действительно, был запрос вот такой же, как уже кто-то задал из вас, нельзя ли получить инструмент. Проблема огромная заключается вот в чем: мы спросили регионы, «расскажите нам об исследованиях, которые вы провели». На нас свалили 320 исследований за год. Они абсолютно необозримы. Среди них есть хорошие, приличные, но большая часть совершенные нули, которые сделаны по непонятным методикам, непонятно, кто делал, и так далее.

Какой здесь вывод? И какая у меня рекомендация? Есть мировая в этом отношении практика: существуют так называемые архивы социологических данных. Вот, например, такой архив сейчас делает Высшая школа экономики. Такой архив сыроватый есть в Институте социологии Академии наук. Любой проект, который закончен, должен быть открытым, за исключением каких-то спонсорских вещей. Прошел, прошло твое исследование по характеристикам для архива, лежит оно в архиве, значит, оно было, это исследование. Не прошло архив - значит, этого исследования не было. Нас попросили, мы разработали некий стандартный инструмент, разослали регионам, и теперь хотя бы у нас есть сопоставимые показатели. Остался пустяк: то, за какие деньги, кто, когда и как провел эти исследования. Можно ли этому верить? Это бабушка надвое сказала. Все, наверное.

Модератор: Ну вот над этим будем работать, это отслеживать. Спасибо большое.

Сергей Рыбальченко: Мы больше в государственную историю упираемся, а мне бы хотелось сказать, что есть ресурсы, в том числе государственные, которые расходуются, которые реализуются через общественные организации. И они как раз направляются на решение, мы там говорили об инициативной социологии, как раз Сергей Романович об этом говорил, именно такие проекты помогают, помимо заданной социологии, еще рассмотреть те проблемы, которые не рассматривали.

Модератор: У нас почетный гость, Соболев Игорь Святославович, советник генерального директора Фонда президентских грантов. Для меня с момента создания этого Фонда всегда был очень интригующим вопрос: как определить, на что направлять финансирование? Вот интересные есть заявки, двадцать, тридцать, сорок, но они все об одном. Как распределить средства с учетом приоритетных направлений развития субъекта или конкретной территории - и качеством предложений? Как это

все осуществляется? Какие данные, в том числе социологические, вы используете, если вообще используете, при работе по выделению финансирования при поддержке проектов, и как потом оценивается вообще, с социологической точки зрения, в том числе, вклад этих проектов в целом в развитие регионов?

Игорь Соболев: Спасибо за вопрос, уважаемые коллеги, очень приятно присутствовать на этой конференции. Надо сказать, что она, по-моему, в этом году прекрасно сконструирована. И очень приятно говорить о социальной инженерии, потому что она мне лично близка. Я к социальным инженерам отношу, в первую очередь, менеджеров некоммерческих организаций, руководителей некоммерческих организаций, которые реально являются социальными инженерами и применяют проектный подход к решению социальных проблем. И также к социальным инженерам отношу менеджеров по корпоративной социальной ответственности крупных компаний, которые тоже видят социальную проблематику и пытаются ее решить различными проектными способами.

Что касается нашей деятельности, то хотелось бы, может быть, шире чуть посмотреть на проблему соотношения общественных инициатив и государственных программ. И вот и то, и другое, в принципе, общественная инициатива, облеченная в социальные проекты, и государственная программа являются примерами социальной инженерии. Чем же они все-таки отличаются? Отличаются они серьезно, и, если смотреть с точки зрения государства, я скажу о нескольких критериях отличия, но хотел бы сказать и о том, что нужно переворачивать время от времени эту пирамидку, смотреть на отличие общественных инициатив от государственных программ с точки зрения гражданина и общества.

Если с точки зрения государства, общественные инициативы являются дополнением государственных программ по решению социальных проблем, то с точки зрения общества и гражданина, напротив, общественная инициатива вместе с инициативами бизнеса являются магистральным путем удовлетворения потребностей гражданина, повышения качества жизни и, в конце концов, движения к более счастливому обществу, к которому каждый стремится. Но с государственной точки зрения, вот те самые общественные инициативы, которые попадают для отбора в Фонд президентских грантов, они, как правило, носят более межотраслевой характер, часто в проекте объединяются задачи из разных сфер, из здравоохранения и воспитания, и социальной защиты. Часто эти проекты гораздо более тонко настроены на потребности гражданина, на потребности целевой группы, чем с этим в состоянии справиться государственные учреждения. И они, конечно, более гибкие, потому что государственное учреждение стремится удовлетворить потребности по социальному стандарту, довольно-таки ограниченному и нацеленному на либо обеспечение нуждающихся, либо обеспечению равного доступа в ту или иную социальную службу. И часто наши проекты, конечно, более инновационные.

И всегда приятно выступать после кого-то из получателей президентских грантов, потому что нам, конечно, нравится, когда не мы о чем-то рассказываем, а рассказывают победители конкурсов президентских грантов.

А какие же особенности этого конкурса? С точки зрения социальной инженерии, я бы выделил две. Во-первых, конкурс охватывает все, всю проблематику общественных инициатив социальной деятельности. Социальную деятельность мы принимаем в очень широком смысле: это инициатива культурная, это инициатива здравоохранения, образования, общественной дипломатии, правозащиты, экологии. Тринадцать грантовых направлений.

И второе, наиважнейшая, на мой взгляд, отличие: это социальная инженерия снизу, непосредственно от граждан. Если государственные программы социальной инженерии попадают опосредованно, через определение потребностей, в том числе социологическими методами, через конструирование государственной программы, то социальный проект как общественную инициативу подает гражданин-инициатор, общественное объединение или некоммерческая организация.

Ну и как оценить эффективность этих общественных инициатив, превращенных в социальные проекты, получившие государственное финансирование? Можно будет обратиться к международному опыту, например. Как вообще оценивается эффективность государственных программ в международной политике? Есть такая крупная международная ассоциация, которая объединяет высшие контрольные органы разных стран, более 194 организаций в нее входят. Это, ну, упрощая, это ассоциация счетных палат государств. И в своей деятельности счетные палаты стремятся следовать двум документам: это международный стандарт «Аудит эффективности государственных программ», и подготовленный как раз уже вот этой организацией документ, рекомендации по оценке государственных программ и политик.

Если оценка эффективности, аудит эффективности опирается на три основных критерия. Это экономичность, то есть минимизация государственных расходов, это результативность, и это эффективность, то есть максимизация результата на единицу затрат. В оценке государственных политик и программ к рекомендациям вот к этим трем добавляются еще две, очень важных как раз для социальных инициатив, общественных инициатив. Это нацеленность на удовлетворение потребностей целевой группы и общая полезность, понимаемая как оценка влияния воздействия проекта, программы или политики на решение социальной проблемы. Причем оценка, включающая запланированные результаты, незапланированные результаты, непосредственные результаты - и результаты, отсроченные во времени, длящиеся опосредованно.

Вот, если говорить об оценке эффективности проектов, получивших государственное финансирование в рамках конкурса президентских грантов, то она осуществляется двояко: во-первых, четким мониторингом со стороны Фонда хода реализации проекта и достижения запланированных результатов, результативности этих проектов. И второе, сейчас только двигаемся в этом направлении, и я скажу, что мы сделали, это интересно, мне кажется, поделиться опытом с социологической общественностью оценкой проектов по завершению их. Вот в данный момент проходит внутренняя пока оценка завершенных реализацией трех тысяч двухсот проектов, получивших

финансирование в 2017 году, и завершенных в реализации к концу 2018 года. 3200 проектов в самых разных отраслях.

Есть ряд показателей, по которым мы пытаемся выстроить интегральную оценку, потому что, в первую очередь, в рамках каждого из этих проектов оцениваться он должен по показателями, характерным для самого этого проекта. Часто можно пользоваться библиотеками показателей, есть и зарубежные, потихоньку появляются российские библиотеки показателей для социального проектирования. Но мы смотрим на достижение результатов проектов запланированных, на выполнение контрольных точек этапности - это график реализации проекта, это качество реализации проекта, вовлечение дополнительных средств в дополнение государственному гранту, на незапланированные результаты проекта.

Модератор: Можно задать вопрос по ходу? Многие из присутствующих подавали заявки на гранты, они тоже знакомы с этими критериями оценки заявок. Я видела...

Игорь Соболев: Это совсем не про критерии оценки заявок, это про результаты.

Модератор: И требования к результатом, да. Поэтому у меня такой вопрос. Смотрите, очень часто в заявках приписывают такой показатель как количество участников мероприятия. Это не только в ваших заявках, это и в ряде региональных программ развития, это в ряде федеральных программ - оценка эффективности мероприятия оценивается, определяется через количество участников этого мероприятия.

И в ряде регионов мы сталкиваемся с тем, что такой подход приводит к обратному эффекту. Например, грубо говоря, да, если, на митинг в поддержку власти собирают молодежь насильно, и все вынуждены там просто «отбывать повинность», чтобы изображать вот эту большую численность, этим отчитываться, то это эффект обратный, достигается совершенно обратный результат. Вот здесь, как вы учитываете мнение этих, как говорится, конечных потребителей, условно, на которых направлено то или иное мероприятие? Вот это как-то учитывается, предусматривается или это планируется?

Игорь Соболев: Ну я сейчас скажу об этом чуть позже, как раз по ходу рассказа задали вопрос, на который ответ будет дальше. Первое, просто договорю, вот в этой завершающей оценке, в том числе, учитываются и уникальные результаты проекта, то есть те самые результаты, к которым проект привел в плане изменения положения целевой группы этого проекта.

Это первое, второе, по поводу количества благополучателей-участников. Такой показатель у нас тоже есть в интегральной оценке всей совокупности. Нам же нужно как-то всю совокупность 3200 проектов по нескольким знаменателям сплюсовать друг с другом. Это важный показательно, но мы понимаем, конечно, что в зависимости от характера проекта это совершенно разное количество. Например, в инновационно-просветительском проекте, нацеленном на миллионную аудиторию, весь миллион участников будет благополучателем, будет целевой группой этого проекта. В проекте, нацеленном на помощь нескольким инвалидам, например, по социализации, или людям, связанным с определенными заболеваниями, будет всего несколько

благополучателей, на которые будут удельные затраты гораздо выше, чем на охват инновационно-просветительским проектом миллиона человек.

Тем не менее, к общему знаменателю это необходимо привести, но в перечне показателей есть и одно - уникальные результаты проекта, его социальное воздействие, и другое - общая численность благополучателей. Это очень важно, чтобы было и одно, и другое. Но а вот что касается участия потребителей проекта, благополучателей, как правило, для того, чтобы измерить результативность, каждый автор социального проекта вынужден убеждать эксперта, который будет оценивать этот проект, предусмотреть возможность изменения задекларированного результата проекта. И часто это анкетирование, это наблюдение, это другие способы, связанные с оценкой суждения благополучателя по отношению к проекту. Сейчас как раз будет следующий этап после внутренней оценки, это внешняя оценка, это комментирование результатов этих трех тысяч двухсот проектов.

Тогда мы считаем важным, это, кстати, переключается с выступавшими до меня коллегами, чтобы проект все-таки оценивали не только его участники, но и внешняя по отношению к проекту аудитория. Принцип деятельности Фонда президентских грантов в том, что все заявки открыты, поступившие в Фонд. Все и победившие, и не победившие проекты открыты, на сайте фонда вся информация имеется. Сейчас на сайт будут выложены и отчеты всех получателей гранта. И вот по этой отчетности будут привлечены к комментированию результатов проекта органы региональной власти, члены общественных палат, все эксперты Фонда, проводившие оценку - это около 700 человек. И сами получатели этих грантов, то есть 3200 по отношению к одному из них. Ну даже не 3200, мы будем включать региональный принцип оценки, то есть по региону, если реализация была в определенном регионе, то к комментированию проектов будет привлекаться именно органы власти, общественных палат и эксперты, получатели президентских грантов именно из этого региона.

Так вот, открытость и технологичность этой оценки для нас, такой массовой, 3200 проектов, является приоритетом.

Что касается самой большой проблемы в социальном проектировании, в общественных инициативах, нацеленных на решение социальных проблем. Большая часть из них конструирует проекты, по наитию предполагая, что они знают, в чем потребность целевой группы и как ее решить. Это значит, что во многом социальное проектирование в общественных инициативах мало опирается на данные. Если мало опирается на данные, значит, по крайней мере, мы можем предположить, что эффективность была бы выше, если бы опирались на данные, точнее. Ну и вот это очень серьезная дорога, дорога к двустороннему движению от социологов и популяризаторов результатов социологических исследований в сторону общественных активистов и некоммерческого сектора, и напротив, от общественных активистов и некоммерческого сектора в сторону социологических исследований и популяризаторов их результатов. Ну вот о механизмах, я думаю, нужно будет говорить отдельно.

Сергей Рыбальченко: Игорь Станиславович, большое спасибо. Я думаю, эффективность проекта – это вообще высший пилотаж. Это же не текущая деятельность, это каждый проект по отдельности. Предлагаю в отношении тех проектов, которые имеют заявленную стоимость выше определенной суммы – ну такие масштабные проекты, есть там у нас и 18 миллионов – я думаю, что там наверняка ведь должны быть какие-то оценки эффективности, возможно, внешние аудиторы, внешние проверки, и также в отношении проектов, которые рассчитаны у нас на период, по-моему, не менее 3 лет, есть такие.

И второй вопрос. У нас нет с нами Елены Тополевой, она должна была присоединиться, но, к сожалению, проходит совещание. Ее выступление касалось оценки рейтинга губернатора по развитию некоммерческого сектора в регионе, связанной с реализацией «дорожной карты» Правительства по доступу этих государственных организаций к оказанию услуг в социальной сфере.

Как Вы считаете, этот показатель насколько важен в работе? Вот он сейчас в 15 показателей не попал, а, например, в Финляндии ежегодно принимается специальный доклад в каждом муниципалитете о межсекторном партнерстве, где замеряется уровень этого межсекторного партнерства, где не только государство должно отмечать. Как считаете, такой показатель должен появиться? Насколько он характеризует деятельность главы муниципального образования, губернатора?

Игорь Соболев: Показатель очень интересный, я думаю, что каждому из глав муниципальных образований и руководителей субъектов Федерации инициативный, эффективный, готовый к партнерству третий сектор очень нужен. И будет этот показатель включен в очень ограниченный перечень показателей – все-таки мы не можем рассчитывать на то, что все, что нам интересно, может туда попасть – оценки губернаторов. Я думаю, это вопрос дискуссионный, вопрос скорее на будущее. Как только третий сектор – а у нас он в России пока находится на первой стадии своего развития – достигнет более серьезного веса, и в числе занятых, и валовом внутреннем продукте, и в способности эффективно решать социальные проблемы, такой показатель будет передвигаться выше в рейтинге показателей. И может быть, попадет в 15 или 20.

А что касается вопроса об отдельной оценке эффективности реализации каждого крупного или долгосрочного проекта – очень правильный вопрос, хороший, мы об этом думаем. В прошлом году мы провели большую работу с российской Ассоциацией специалистов по оценке программных политик, разрабатываемых систем документов, регулирующих вот такую внешнюю оценку проектов, глубокую внешнюю оценку проектов. По его завершению, в ходе его реализации, может быть, и на старте оценку предполагаемого воздействия провести, для того чтобы правильно сформулировать и правильно управлять им. И я думаю, что к конкурсу 2020 года, то есть осенью этого года, мы такой пакет документов представим. Спасибо.

Модератор: Коллеги, у нас время наше заканчивается. В общем, мы собрались здесь не зря и есть куда двигаться дальше. Следующая наша секция также будет касаться вопросов проведения мониторинга, ее будет вести Людмила Преснякова. Прошу всех

обратить на нее внимание, дискуссия будет продолжаться немножко в другом ключе, но обещает быть невероятно интересной. Всем спасибо за участие.